

Влияние современных трансформационных явлений в обществе на мотивацию к деторождению

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юрид. наук, доц. каф. частного права

ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Вопросы мотивации к деторождению исследуются во многих сферах: социология, психология, экономика, юриспруденция. Каждое направление выделяет свои особенности и делает свои выводы в этой области. Сделана попытка обобщить эти работы и выделить в них общие моменты. Цель настоящего исследования – на основе анализа исследований сформулировать единые выводы по совершенствованию демографической политики и направлений ее реализации. Отмечено, что следует не только решать демографические проблемы с помощью мер социальной поддержки семей с детьми, но и применять иные мотивационные методики. Подчеркнута необходимость использования современных подходов к организации труда для родителей, особенно для женщин: гибкие (гибридные) графики работы, дистанционный труд. В этом направлении отмечены необходимость привлечения работодателей, поощрение положительных корпоративных практик. Институт бабушек и дедушек (прародительский труд), особенно с учетом повышения пенсионного возраста, утрачивает свои былые позиции как мотивационный фактор к деторождению. Однако многие молодые семьи нуждаются в такой поддержке. В связи с этим выявлена необходимость дополнительной поддержки прародительского труда.

Ключевые слова

Мотивация к деторождению, демография, прародительский труд, меры социальной поддержки, образование женщин, жилищные проблемы молодой семьи, материнский капитал

Для цитирования: Титор С.Е. Влияние современных трансформационных явлений в обществе на мотивацию к деторождению // Вестник университета. 2026. № 2. С. 208-219.

The impact of modern transformational phenomena in society on motivation to procreate

Svetlana E. Titor

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Private Law Department

ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The issues of motivation to procreate have been studied in many spheres such as sociology, psychology, economics, and law. Each direction highlights its own characteristics and draws its own conclusions in this area. The author tried to summarize the scientific works and highlight common points in them. The purpose of the study is to formulate common conclusions on improving demographic policy and directions of its implementation based on the research analysis. It is necessary not only to solve demographic issues with the help of social support measures for families with children, but also to apply other motivational techniques. The necessity of using modern approaches such as flexible (hybrid) work schedules and remote work to organize labor for parents, especially for women, has been emphasized. In this direction, the need to attract employers and encourage positive corporate practices has been noted. The grandparents institution (grandparents labor), especially considering the increase in the retirement age, is losing its former position as a motivating factor for procreation. However, many young families need such support. In this regard, the need for additional support for grandparents labor has been identified.

Keywords

Motivation to procreate, demography, ancestral labor, social support measures, women's education, housing issues among young families, maternity capital

For citation: Titor S.E. (2026) The impact of modern transformational phenomena in society on motivation to procreate. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 208-219.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование мотивации к деторождению является важным фактором повышения рождаемости в условиях демографического перехода, который в настоящее время происходит в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Это направление в семейно-демографической политике при его реализации позволит создать институциональные условия для совершенствования мер поддержки, направленных на повышение рождаемости в субъектах РФ.

Актуальными остаются вопросы о том:

- как совершенствовать меры повышения рождаемости в современных условиях, когда семья как социальный институт трансформируется, подвергаясь негативным воздействиям западной идеологии, мотивация к деторождению снижается, а социальная нагрузка на государство значительно возрастает;
- какие материальные и нематериальные стимулы, заложенные в мерах поддержки, дадут желаемый эффект и повысят мотивацию мужчин и женщин детородного возраста к деторождению и многодетности, изменив существующие сегодня модели репродуктивного поведения населения регионов России;
- какие институциональные условия дополнительно необходимо создать, какие изменения в институциональной среде требуются для формирования устойчивой культуры многодетности в стране.

В научной литературе наблюдается достаточное большое количество исследований, посвященных демографическому кризису и мотивации к деторождению. Эксперты рассматривают различные аспекты и предпосылки проблемы, подходят с различных сторон жизни к изучению вопросов демографии. Исследования проводятся социологами, психологами, юристами, педагогами, медиками и т.д. Комплексный анализ научных исследований позволит выявить научно-социологические тенденции и пути к разрешению сложной демографической ситуации.

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В основном все научные исследования, направленные на изучение демографических проблем, включая уровень рождаемости, носят социологический характер. Кроме изучения демографических процессов, каждое исследование затрагивает вопросы мотивации к деторождению и в результате формулирует предложения по стимулированию к рождению детей. Рассмотрим некоторые исследования и их выводы.

В.Е. Архангельский в своей работе «Репродуктивная преемственность поколений: демографические установки и социально-экономическое самочувствие многодетных семей московского региона (лонгитюдное исследование)» пришел к следующим выводам [1]:

- одной из результативных мер по решению проблем рождаемости стало введение материнского (семейного) капитала с 1 января 2007 г.;
- сравнительный анализ демографических политик России и зарубежных стран – Израиля, Франции, Швеции, Великобритании, Японии – показал схожесть принимаемых мер поддержки семей с детьми;
- выделены некоторые наиболее эффективные региональные меры социальной поддержки семей с детьми, которые имеют существенный региональный эффект (Тюменский регион, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалин).

А.Л. Янак провел анализ факторов и механизмов мотивации семейно-детного образа жизни в молодежной среде в условиях социально-экономической неопределенности [2]. Основными выводами стали следующие:

- наличествуют расхождения между брачно-репродуктивными установками современной молодежи в сфере семейно-демографического поведения и нормативными предписаниями (государственными и общественными запросами на рост рождаемости);
- выявлены ключевые факторы, препятствующие сближению и существенно влияющие на демотивацию семейно-детного образа жизни молодежи (одним из таких факторов названа социально-экономическая неопределенность);
- подчеркнута значимость «третьего» сектора в решении демографических проблем, а именно необходимость развития корпоративных (семейных, демографических и молодежных) политик среди отечественного предпринимательства.

Исследователи связи религии и семьи в современной России выявили пять основных моделей мотивации к многодетности [3].

1. Планирующая. Такая семья отличается высоким уровнем крепких взаимоотношений. Мотивация к рождению третьего ребенка появляется, как отмечают авторы, как результат рационального отношения к рождению нового ребенка: появление материальной стабильности семьи, помощь родителей, «выдержка» времени между рождением детей. Как правило, такие семьи имеют средний устойчивый размер доходов.

2. Традиционная. Традиционная многодетная семья, по мнению авторов, представляет собой семью, состоящую в единственном браке, имеющую в среднем 6 детей. Такая семья характеризуется высокой крепостью отношений супругов, а также религиозной социализацией родителей. Как правило, такая семья появляется на примере родительской семьи. Основным аспектом мотивации является религиозный аспект. Члены такой семьи, как правило, не имеют высшего образования и высоких финансовых доходов.

3. Новая религиозная. Это семья, основанная на религиозных началах, но они не преобладают в формировании семейно-детного поведения. От просто религиозной семьи «новая» религиозная, по мнению авторов, отличается тем, что осознание религиозности пришло в семью не традиционным потомственным способом, а приобретенным посредством социальных сетей. Члены такой семьи, как правило, имеют высшее образование и высокий уровень доходов. Авторы отмечают наличие таких семей, но в то же время указывают на их «локальность», нераспространенность.

4. Формальная. Авторы не выделяют каких-либо особых мотиваций для рождения большого количества детей в такой модели.

5. Многодетность в повторном браке. Изучение мотивации рождения более трех детей в таких семьях не подлежит общепринятым оценкам. Мотивация к рождению детей в таких семьях, как указывают авторы, обусловлена скорее приданием большой ценности к браку: брак должен сопровождаться рождением детей. Если в первом браке не получилось создать крепкую семью, следует повторить попытку во втором.

Все эти модели дополнительно градируются в зависимости от образования, религиозности и связи с социальными сетями.

Исследователи, изучающие факторы, влияющие на многодетность, сделали следующие выводы [4]:

1) выявлены несколько «сценариев» развития многодетной семьи:

- запланированная многодетность – родители осознанно идут на этот шаг;
- вынужденная многодетность, которая чаще всего является следствием вступления матери в несколько браков;
- асоциальная многодетность – дети рождаются, как правило, у неблагополучных матерей, бесконтрольно, нежелательно, такие семьи подлежат особому контролю со стороны социальных служб;
- экономически обусловленная многодетность – на принятие решения о рождении детей оказывают влияние финансовые поддержки со стороны государства;

2) на принятие решения о рождении первого, второго и последующих детей влияют многие социально-экономические факторы (финансовые, жилищные условия, занятость и т.д.), причем каждый из них может по-разному влиять на рождение первого, или второго, или последующих детей – все зависит от индивидуальных ситуаций;

3) на мотивацию рождения вторых и последующих детей оказывают воздействие меры социальной государственной поддержки, при этом анализ показал, что менее обеспеченные семьи быстрее решаются на рождение последующих детей, поскольку надеются на соответствующие государственные «блага».

Отечественные исследователи, изучающие вопросы влияния уровня образования женщины на репродуктивное поведение, выявили следующие тенденции [1]:

- женщины с высоким уровнем образования более взвешенно и запланированно подходят к деторождению, отмечается более высокий уровень влияния психологического фактора мотивации – второго ребенка «занятая» женщина планирует, чтобы первый не чувствовал себя одиноким;
- такие женщины реже отмечают в качестве демотивационных факторов: материальные, жилищные проблемы, занятость, неуверенность в завтрашнем дне;
- рождение третьего и последующих детей не увязывается высокообразованными женщинами с инвестиционными, экономическими мотивами: они не усматривают в них в дальнейшем экономической зависимости в помощи, поддержке в старости, в то же время наблюдается меньшая заинтересованность в целом в рождении трех и более детей;
- одним из весомых факторов мотивации для таких женщин является совмещение рождения с работой – для них важны гибкие, гибридные формы занятости.

Специалисты приходят к выводу о том, что, поскольку растет количество высокообразованных женщин, следует учитывать их интересы при разработке социально-демографических политик.

Известно, что на протяжении последних десятилетий существует конфликт между карьерой и желанием стать родителями, «родительством». Гибкие формы занятости и гендерное равенство в распределении обязанностей повышают готовность к рождению. Достаточно изучить опыт скандинавских стран, где отцы в обязательном порядке отправляются в отпуск по уходу за ребенком (на часть срока, чередуясь с матерью ребенка).

В России имеются случаи воспрепятствования мужчинам в получении отпуска по уходу за ребенком. Следует вспомнить известное дело военнослужащего Маркина. Ему было отказано в предоставлении такого отпуска, поскольку военнослужащие могут получить такой отпуск только в случае смерти матери, лишения ее родительских прав или длительного пребывания в лечебном учреждении, то есть при наличии «уважительных» причин¹. Европейским судом по правам человека по делу «Маркин против России» отсутствие у мужчин-военнослужащих возможности воспользоваться отпуском по уходу за ребенком было признано дискриминационным². Отказ России исполнить решение Европейского суда по правам человека вызвал массу дискуссий, однако законодательство осталось неизменным [5].

Проанализирован труд экономистов, работающих в академической сфере, в котором раскрыто влияние родительства на такие элементы академической карьеры, как защита кандидатской диссертации и публикационная активность [6]. Установлено, что мужчины вполне успешно сочетают появление первого ребенка с защитой диссертации, в то время как у большинства женщин эти события происходят последовательно с разрывом во времени. Кроме того, стратегии сочетания родительства с выстраиванием профессиональной карьеры у молодых респондентов отличаются от стратегий их более старших коллег: чем старше женщина, тем с большей вероятностью она отдает предпочтение стратегии «сначала ребенок – потом защита». Со временем приоритеты поменялись, и сейчас женщины склонны скорее откладывать рождение ребенка.

Для большинства работа и семья – важные сферы жизни. Балансирование между требованиями, предъявляемыми работой, и домашними обязанностями часто приводит к конфликту между этими сферами. Исследования в области организационной психологии демонстрируют, что работа и личная жизнь могут не конкурировать, а сотрудничать. Руководители с современным мышлением должны уметь создавать условия сотрудничества, «взаимообогащения» между двумя сферами жизнедеятельности с целью повышения эффективности как производства, так и личной жизни сотрудников [7].

Согласно исследованиям прогнозов повышения пенсионного возраста на рождаемость в России, несмотря на влияние европейских идеологий на современные семейные ценности, Россия по-прежнему остается страной с традиционными взглядами, в которой осуществляется семейно-родственная поддержка рождения и воспитания детей [8; 9]. Уход за детьми является не профессией, но родительским долгом. Межпоколенческие отношения в стране находятся на высоком уровне. Доля родителей, получающих поддержку в воспитании детей от старшего поколения, составляет 46 %. Около 87 % бабушек помогают в воспитании внуков, а каждый четвертый ребенок проживает не только с родителями, но и с бабушками и дедушками.

Тем не менее наблюдается снижение роли старшего поколения в воспитании внуков. Это обусловлено следующими факторами: увеличение пенсионного возраста, профессиональные амбиции женщин, развитие государственных и частных форм дошкольной инфраструктуры, развитие института нянь, материальная помощь старшего поколения. Кроме того, отмечается, что в сельской местности традиционные формы расширенной семьи и семейной помощи со стороны старшего поколения останутся незыблемыми еще долго.

В современной России помощь со стороны старшего поколения в рождении и воспитании детей не утратила свои силу и значение, тем не менее происходит ее трансформация. Основная тенденция такой трансформации – это изменение форм родственной помощи от непосредственных услуг по воспитанию к материальной помощи и услугам по мере необходимости [10].

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72781/ (дата обращения: 26.10.2025).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 7 октября 2010 г. «Дело “Константин Маркин (Konstantin Markin) против России”» (жалоба № 30078/06). Режим доступа: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 26.10.2025).

Исследование влияния цифровой занятости на рождение и родительское благополучие привело к следующим результатам [11]. Развитие цифровой занятости (гибкая, дистанционная или удаленная, гибридная, платформенная формы занятости, фриланс) не оказывает прямого влияния на рождаемость. Основные причины: необходимость высокого уровня профессионализма для сферы информационных технологий, коим обладают немногие, нестабильность таких форм занятости, как дистанционная, гибридная, платформенная и т.д. Тем не менее такие формы занятости востребованы среди женщин, имеющих малолетних детей. Исследователи пришли к выводу о том, что форма занятости родителей не является определяющим фактором для мотивации к рождению детей, и наоборот – рождение ребенка диктует родителям подыскивать более приемлемые формы занятости.

На мотивацию к рождению влияют демографические, социально-психологические и финансовые факторы. Исследователями выдвинуты предложения о необходимости:

- формирования ценностей родительства среди молодежи, особенно в рамках официального оформления брачных отношений (исследователи отметили тенденцию развития желания молодых женщин на рождение одного ребенка вне брака);
- формирование условий для знакомства партнеров;
- жилищная поддержка молодых семей.

Проведено исследование влияния уровня доходов семьи на рождаемость [12]. Автор сопоставил рождаемость и доходность семей в России в 1990–2010 гг. и выявил прямую зависимость фертильности от реальных доходов. Это означает, что увеличение семейных доходов в стране имеет положительный демографический эффект.

По результатам исследования «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» авторы приходят к следующим выводам [13]:

- существенно изменяется модель брачного поведения в отношении незарегистрированных браков, и такая тенденция в будущем будет только увеличиваться [14];
- наблюдается стойкая взаимосвязь между брачным и репродуктивным поведением – политика, направленная на повышение значимости и роли крепкой семьи, будет способствовать повышению рождаемости [15];
- следует обратить внимание на материальное поощрение мужчин к деторождению – исследование показывает, что желание иметь детей у женщин не зависит от размера их доходов и, напротив, при увеличении уровня доходов мужчины более расположены к деторождению [3];
- более эффективная демографическая политика должна как включать повышение уровня жизни семьи, так и влиять на повышение потребности в рождении детей;
- важно решение жилищного вопроса – авторы вносят интересное предложение о социальном жилищном контракте, суть которого заключается в том, что молодая семья получает двухкомнатную квартиру в социальный наем и дает обязательства в течение двух с половиной лет родить ребенка, после рождения первого и последующего ребенка социальный наем продлевается еще на два–три года, а при рождении третьего ребенка квартира передается семье в собственность [2];
- брачное и репродуктивное поведение в основном формируется в молодом поколении, причем в добрачный период – выявлены две модели поведения: желание иметь такую же семью, как у родителей, и, наоборот, желание иметь иную семью, чем та, в которой вырос, причем на формирование мировоззрения влияют внешние (социально-экономические) и внутренние (их формирование восходит к понимаю социально-культурных ценностей, транслируемых из поколения в поколение, внутрисемейных, национально-этнических, религиозных ценностей, и должно не только строиться внутри семьи, но и обсуждаться и изучаться в образовательных учреждениях на курсах «семьеведение») факторы [16];
- отмечена высокая роль в решении демографических проблем грамотно сформированной корпоративной демографической политики – исследователи усматривают способ улучшения социально-психологического климата на предприятии, усиление трудовой мотивации и трудовой активности работников, улучшение состояния здоровья работников и их детей (цель корпоративной демографической политики – обеспечение благоприятных социально-трудовых условий для семей с детьми) [17].

Особо следует отметить исследования мотивации к деторождению в период пандемии COVID-19. Этим проблемам посвящен целый ряд исследований отечественных и зарубежных авторов [16–19]. Авторы пришли к выводу об огромном и разностороннем влиянии пандемии, являющейся причиной

социального, экономического и политического кризиса, является одним из демотивационных факторов к рождаемости детей:

- на снижение рождаемости в период пандемии повлиял не столько страх о здоровье матери и ребенка, сколько сложившиеся в период карантина более высокие нагрузки по уходу за детьми – повышенный стресс домашней обстановки повлиял на интерес матерей иметь больше детей, то есть пандемия оказала прежде всего психологическое воздействие на мотивацию к деторождению;
- на мотивацию к деторождению влияют не только внутрисемейные, индивидуальные факторы (финансовое положение, жилищные вопросы и т.д.), но и кризис на макроуровне;
- пандемия повлияла отрицательно на мотивацию к рождаемости детей, но в понимании не полного отказа от деторождения, а временного, то есть «отсрочки» рождения ребенка.

Воспроизводство многодетных семей в России осложняется в силу воздействия различного рода рисков [20]. Так, «среди социальных рисков современного российского общества следует выделить: риски экономической нестабильности, потери работы, упущения возможности профессиональной самореализации, обеднения при создании семьи, влияющие на реализацию матримониального (брачного) и репродуктивного поведения» [21]. В числе культурных рисков наиболее значимыми являются риск нарастания аномии, который выражается в разрушении ценностей традиционной семьи, риск культурной вестернизации. К основным социотехническим рискам относятся риски потери репродуктивного здоровья (ожидание последствий нарушения детовоспроизводства и психосексуальных отношений в семье) и инвалидизации (ожидание расстройств функций организма, приводящих к ограничению жизнедеятельности и необходимости социальной реабилитации) [20].

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проведено несколько зарубежных исследований касательно применения удаленного труда для сотрудников предприятий, гибридных (гибких) графиков и других альтернативных форм занятости. Как оказалось, введение такой формы занятости способствовало рождаемости и укреплению семейных уз^{3,4} [22].

Зарубежные аналитики провели исследование о влиянии на мотивацию рождения детей уровня образования, экономики, религии и пришли к следующим выводам [23]:

- бытует мнение о том, что чем выше уровень образования у женщины, тем меньше она мотивирована к рождению детей, поскольку видит свое предназначение в карьере и принесении пользы обществу своими знаниями, тем не менее в разных странах, даже в разных регионах, областях, наблюдаются различия в уровне рождаемости среди образованных женщин – авторы опровергают постулат об отрицательном воздействии на мотивацию рождения детей уровня образования [24; 25];

- авторы выявили тенденцию серьезного влияния религиозных взглядов на деторождение – коэффициент рождаемости в более религиозных странах почти в два раза выше, чем в светских государствах, однако статистические данные показывают на снижение коэффициента рождаемости в целом во всех странах.

Исследователи из Пакистана выявили прямую зависимость снижения мотивации к рождению детей у более образованных женщин [26]. Основная причина заключается в том, что женщина больше времени уделяет получению образования, вместо того, чтобы рожать детей. Тем не менее уровень образования женщины влияет на воспитание детей, поскольку основное бремя воспитания и обучения детей ложится на ее плечи. Необразованные матери не смогут дать достойное, качественное образование своим детям. Авторы предлагают корректировать государственные программы поддержки семей в части оказания всесторонней помощи женщине по совмещению обучения и материнства.

Как отмечалось выше, страны с развитым регулированием декретного отпуска для обоих родителей демонстрируют более высокую фертильность. По данным Организации Объединенных Наций, в ближайшие 20 лет рождаемость в группе женщин 15–19 лет снизится почти втрое, вклад в суммарные показатели рождаемости этих женщин не будет превышать 3 % к 2030 г. [27]. Социологический опрос этих женщин показал низкие знания в области контрацепции, планирования семьи, возможных циклов зачатия, особенностей грудного вскармливания. На вопрос о том, что делать, если наступила

³ The Impact of Remote Work on Family Dynamics and Relationship Patterns. Режим доступа: <https://blogs.vorecol.com/blog-the-impact-of-remote-work-on-family-dynamics-and-relationship-patterns-194631> (дата обращения 26.10.2025).

⁴ Stone, L., Ozimek, A. Early Remote Work Impacts on Family Formation. Режим доступа: <https://eig.org/remote-work-family-formation/> (дата обращения: 26.10.2025).

нежелательная беременность, затруднилась ответить каждая пятая респондентка. Авторы исследования приходят к выводу о том, что эта возрастная группа женщин – 15–19 лет – представляет собой широкое поле деятельности не только для структур здравоохранения, но и для психологов и социологов, представителей образования.

АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

По теме исследования А. А. Янак проведен социологический опрос, в котором приняло участие около 83,0 тыс. респондентов, из которых 96 % – женщины. Социологический опрос проводился в 20 субъектах РФ [2].

Большинство респондентов (около 80 %) сказали, что представители старшего поколения участвуют в воспитании их детей и активно помогают как финансово, так и лично.

По результатам социологических исследований выявлен «парадокс» обратной зависимости бедности и богатства на рождение детей: чем беднее женщина, тем больше она рождает, и наоборот – сытая, успешная женщина рождает меньше [2]. В связи с этим можно сделать вывод о главных движущих факторах мотивации деторождения – это ценности и установки. Респондентам было предложено выстроить ассоциативный ряд к терминам «ребенок», «мать», «семья», «отец». Результат можно изучить по таблице.

Таблица

Ассоциативный взгляд респондентов

Термин	Основная миссия человека
Ребенок	Цель жизни, продолжение рода
	Будущее
	Самое дорогое, ради чего живем
	Ответственность, труд
	Богатство, достоинство
Мать	Любовь
	Детство
	Женщина, которая дает жизнь
Семья	Моя пристань
	Мой мир
	Ответственность
	Полная чаша
Отец	Добытчик
	Мой тыл
	Мужчина, который помогает женщине давать жизнь

Составлено автором по материалам исследования

Социологический опрос женщин по вопросу влияния материнского (семейного) капитала на рождение ими второго ребенка показал, что в 2008–2009 гг. наблюдался всплеск рождения второго ребенка, как считают сами женщины, благодаря введению этой меры социальной поддержки [26]. Первое место по влиянию на рождение детей, по мнению опрошенных исследователями респондентов, занимает социальная поддержка молодой семьи в решении жилищных вопросов (на первое место эту меру поставили 33,7 % женщин). Второе место (26,7 %) занимает материнский капитал. Практически такие же ответы были даны мужчинами. Третьим по значимости является единовременная выплата женщинам, ставшим на учет в ранние сроки беременности (около 16,0 %). Исследователи делают вывод о том, что введение в 2007 г. федерального материнского (семейного) капитала существенно повлияло на рождение женщинами (от 1975 г.р. и позднее) второго, причем «рост» рождаемости наблюдался к 2015–2016 гг., когда был установлен первоначальный срок окончания действия программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исследований в области мотивации к деторождению позволил сформулировать единые направления по совершенствованию демографической политики. Одной из самых результативных мер социальной поддержки как мотивационный фактор стало введение материнского капитала. Российская Федерация реализует аналогичный набор мотивационных мер к деторождению, как и зарубежные страны.

В качестве демотивационного фактора к деторождению исследователи выделяют социально-экономическую нестабильность, отсутствие постоянной работы. В связи с этим исследователи обозначают необходимость привлечения к реализации демографической политики корпоративных практик. Они подчеркивают положительный эффект в мотивации к деторождению внедрение гибридных (гибких), дистанционных графиков работы для родителей. Особенно это необходимо реализовывать с учетом повышения образованности женщин репродуктивного возраста, желающих не только рожать детей, но и выстраивать свою карьеру, применяя полученное образование. Решению вопроса способствует и цифровизация многих производственных и управленческих процессов, которую также следует использовать для поддержки трудовой деятельности родителей.

С одной стороны, высшее образование сдерживает женщин к деторождению: они не торопятся рожать детей, пока не закончат обучение, не построят хотя бы начальную карьеру. Временной фактор играет отрицательную роль на принятие решения о рождении детей. С другой стороны, женщины с высшим образованием более взвешенно подходят к деторождению, планируют свою семью. Для них мотивационным фактором служит традиционное желание иметь детей. Следует в качестве одного из направлений государственной политики выделить поощрение и трансляцию положительных корпоративных практик по оказанию помощи работникам с детьми.

Повышение пенсионного возраста привело к снижению роли прародителей как мотивационного фактора к деторождению. Современные молодые семьи уже не рассчитывают на поддержку бабушек и дедушек. Представляется, что в этом направлении следует продумать дополнительные меры поощрения прародительского труда как одной из мер поддержки семей с детьми.

Все исследователи одним из главных сдерживающих факторов деторождения называют проблемы жилищного характера. Действующие меры жилищной поддержки в виде семейных ипотек не приносят должного эффекта, поскольку ипотечные условия, особенно сложившиеся в последние два–три года, не под силу среднестатистической молодой семье. Эксперты усматривают необходимость в корне поменять подход к решению жилищного вопроса – от ипотеки к социальному найму.

Список литературы

1. Архангельский, В. Н. Репродуктивная преемственность поколений: демографические установки и социально-экономическое самочувствие многодетных семей московского региона (лонгитюдное исследование). НИР: грант № 24-28-01314. Российский научный фонд, 2024. – EDN UPLAVT.
2. Янак, А. Л. Факторы и механизмы мотивации семейно-детного образа жизни в молодежной среде в условиях социально-экономической неопределенности. НИР: грант № 24-78-00190. Российский научный фонд, 2024.
3. Павлюткин, И. В. Парадокс связи религии и семьи в современной России. Отчет о НИР № 18-78-10089. Российский научный фонд, 2019. – EDN SXUIWA.
4. Зайцева, Е. В. Факторы репродуктивного поведения российских семей / Е. В. Зайцева, Н. В. Гончарова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 12-1. – С. 93–98. – DOI 10.17513/vaael.1479. – EDN RAVKQG.
5. Алексеева, Л. А. Права и свободы: конституционное закрепление и законодательное ограничение / Л. А. Алексеева, Д. В. Тропина // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 8–11. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-5-8-11. – EDN OGGXDH.
6. Чечик, Е. А. Родительство и гендер в российской академической среде / Е. А. Чечик // Вопросы образования. – 2023. – № 4. – С. 317–342. – DOI 10.17323/vo-2023-16337. – EDN CFQPNB.
7. Толстая, С. В. Работа – семья: конфликт или взаимообогащение / С. В. Толстая // Проблемы современной науки и образования. – 2018. – № 7(127). – С. 109–114. – DOI 10.20861/2304-2338-2018-127-005. – EDN XSNEXR.
8. Кулькова, И. А. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России. НИР: грант № 19 010-00545. Российский фонд фундаментальных исследований, 2019. – EDN ZAPQEV.

9. Шарин, В. И. Факторы рождаемости: родственная поддержка / В. И. Шарин, И. А. Кулькова, М. И. Плутова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2019. – № 2(120). – С. 24. – EDN TGLQCE.
10. Шарин, В. И. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России / В. И. Шарин, И. А. Кулькова // Народонаселение. – 2019. – № 2. – С. 40–50. – DOI 10.24411/1561-7785-2019-00014. – EDN UTVFPQ.
11. Тонких, Н. В. Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие. Отчет о НИР № 22-18-00614. Российский научный фонд, 2022. – EDN CDETMC.
12. Трофимова, Г. С. Как доход влияет на рождаемость: пример России / Г. С. Трофимова // Перспективные исследования в науке: теория и практика: The Collection of Scholarly Papers. Том V. – Лондон: Общество с ограниченной ответственностью «Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества», 2016. – С. 109–113. – DOI 10.17809/0557468427-21. – EDN WLQPVJ.
13. Ростовская, Т. К. Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России. НИР: грант № 20-18-00256. Российский научный фонд, 2020. – EDN LSJCAV.
14. Ростовская, Т. К., Архангельский, В. Н., Князькова, Е. А. Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, Е. А. Князькова // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума, Москва, 4–5 декабря 2020 г. – Москва: Объединенная редакция, 2020. – С. 127–130. – EDN SVEQPI.
15. Васильева, Е. Н., Баймурзина, Г. Р. Современная российская семья: факторы формирования моделей репродуктивного и брачного поведения / Е. Н. Васильева, Г. Р. Баймурзина // Социальное пространство. – 2021. – Т. 7, № 4. – DOI 10.15838/sa.2021.4.31.5. – EDN DFMNCN.
16. Golovina, K., Nenko, I., Marcinkowska, U. M. Childcare burden and changes in fertility desires of mothers during the COVID-19 pandemic / K. Golovina, I. Nenko, U. M. Marcinkowska // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – No. 14. – DOI 10.3389/fpsyg.2023.1243907.
17. Kurowska, A., Matysiak, A., Osiewalska, B. Working from Home During COVID-19 Pandemic and Changes to Fertility Intentions Among Parents / A. Kurowska, A. Matysiak, B. Osiewalska // *European Journal of Population*. – 2023. – Vol. 39, No. 1. – DOI 10.1007/s10680-023-09678-z.
18. Marteleto, L. J., Dondero, M., Kumar, S., Mallinson, D. C. Measuring Fertility Intentions During Times of Crisis: An Example Using Survey Data Amid the COVID-19 Pandemic / L. J. Marteleto, M. Dondero, S. Kumar, D. C. Mallinson // *Studies in Family Planning*. – 2023. – Vol. 54, No. 1. – Pp. 161–180. – DOI 10.1111/sifp.12219.
19. Сигарева, Е. П., Сивоплясова, С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России: статистический и социологический анализ / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 69–88. – DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-6. – EDN GNPFCF.
20. Зязин, С. Ю., Каменева, Т. Н., Лескова, И. В. Молодежь и семья в российском обществе. Москва: Мир науки, 2024. – 352 с. – EDN VVZNEX.
21. Каменева, Т. Н. Социокультурные риски семейно-брачных отношений провинциального региона в условиях глобализации системы коммуникаций. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый) № 13-13-46001. Российский гуманитарный научный фонд, 2014. – EDN QVMXVS.
22. Wang, S. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore / S. Wang, H. Dong // *European Journal of Population*. – 2024. – Vol. 40, No. 1. – P. 33. – DOI 10.1007/s10680-024-09719-1. – EDN WKPQCU.
23. Gotmark, F., Andersson, M. Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs / F. Gotmark, M. Andersson // *BMC Public Health*. – 2020. – No. 20.
24. Miller, A. R. The Effect of Motherhood Timing on Career Path / A. R. Miller // *Journal of Population Economics*. – 2010. – Vol. 24, No. 3. – Pp. 1071–1100.
25. Rondinelli, C., Aassve, A., Billari, F. C. Women's Wages and Childbearing Decisions: Evidence from Italy / C. Rondinelli, A. Aassve, F. C. Billari // *Demographic Research*. – 2010. – No. 22(19). – Pp. 549–578.
26. Afreen, Kh. Association between Education and Fertility: New Evidence from the Study in Pakistan / Kh. Afreen, P. Ordine, G. Rose // *Economics*. – 2024. – Vol. 12, No. 10. – P. 261. – DOI 10.3390/economics12100261. – EDN JZDXJW.
27. Калабихина, И. Е., Троицкая, И. А. (ред.) Рождаемость и планирование семьи: мнения, установки, мотивация. Москва: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. – 188 с. – (Качественные исследования в экономике и демографии ; Выпуск 10). – ISBN 978-5-906783-53-0. – EDN ZGLELR.

References

1. Arkhangel'sky, V. N. (2024). *Reproductive succession of generations: demographic attitudes and socio-economic well-being of large families in the Moscow region (a longitudinal study)*. Research and Development: Grant No. 24-28-01314. Russian Science Foundation. (In Russian).
2. Yanak, A. L. (2024). *Factors and mechanisms of motivation of the family and child lifestyle among young people in conditions of socio-economic uncertainty*. Research and Development: Grant No. 24-78-00190. Russian Science Foundation. (In Russian).
3. Pavlyutkin, I. V. (2019). *The paradox of the connection between religion and family in modern Russia*. Research Report No. 18-78-10089. Russian Science Foundation. (In Russian).
4. Zaitseva, E. V. Goncharova, N. V. (2020). Factors of reproductive behavior of Russian families. *Bulletin of Altai Academy of Economics and Law*, 12-1, 93–98. (In Russian).
5. Alekseeva, L. A., Tropina, D. V. (2020). Rights and freedoms: constitutional consolidation and legislative restriction. *Constitutional and municipal law*, 5, 8–11. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-8-11>
6. Chechik, E. A. (2023). Parenting and gender in the Russian academic environment. *Questions of education*, 4. (In Russian).
7. Tolstaya, S. V. (2018). Work – family: conflict or mutual enrichment. *Problems of modern science and education*, 7(127), 109–114. (In Russian). <https://doi.org/10.20861/2304-2338-2018-127-005>
8. Kulkova, I. A. (2019). *Forecast of the impact of raising the retirement age on fertility in Russia*. Research and development: grant No. 19-010-00545. Russian Foundation for Basic Research. (In Russian).
9. Sharin, V. I., Kulkova, I. A., & Plutova, M. I. (2019). Fertility factors: family support. *Management of Economic Systems*, 2(120). (In Russian).
10. Sharin, V. I., Kulkova, I. A. (2019). The influence of the help of the older generation on the birth rate in Russia. *Narodonaselenie*, 2, 40–50. (In Russian).
11. Tonkikh, N. V. (2022). *A study of the impact of digital employment on fertility and parental well-being*. Research Report No. 22-18-00614. Russian Science Foundation. (In Russian).
12. Trofimova, G. S. (2016). How income affects fertility: the example of Russia. In: *Advanced Research in Science: Theory and Practice: The Collection of Scholarly Papers. Volume V*. London: Global Partnership for the Development of Scientific Cooperation LLC. (In Russian). <https://doi.org/10.17809/0557468427-21>
13. Rostovskaya, T. K. (2020). *Demographic behavior of the population in the context of Russia's national security*. Research and Development: Grant No. 20-18-00256. Russian Science Foundation. (In Russian).
14. Rostovskaya, T. K., Arkhangel'sky, V. N., & Knyazkova, E. A. (2020). The relationship between marital and reproductive behavior. In: *Proceedings of the II All-Russian Demographic Forum with International Participation, Moscow, December 4–5, 2020*. Moscow. (In Russian).
15. Vasilyeva, E. N., Baymurzina, G. R. (2021). Modern Russian family: factors of the formation of models of reproductive and marital behavior. *Social space*, 7(4). (In Russian). <https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.5>
16. Golovina, K., Nenko, I., & Marcinkowska, U. M. (2023). Childcare burden and changes in fertility desires of mothers during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*, 14, 1243907. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1243907>
17. Kurowska, A., Matysiak, A., & Osiewalska, B. (2023). Working from Home During COVID-19 Pandemic and Changes to Fertility Intentions Among Parents. *European Journal of Population*, 39(1), 32. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09678-z>
18. Marteleto, L. J., Dondero, M., Kumar, S., & Mallinson, D. C. (2023). Measuring Fertility Intentions During Times of Crisis: An Example Using Survey Data Amid the COVID-19 Pandemic. *Studies in Family Planning*, 54(1), 161–180. <https://doi.org/10.1111/sifp.12219>
19. Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2023). The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive behavior of the Russian population: statistical and sociological analysis. *Nauchnyi rezultat. Sociology and Management*, 9(3), 69–88. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-6>
20. Zyazin, S. Yu., Kameneva, T. N., & Leskova, I. V. (2024). *Youth and family in Russian society*. Moscow: Mir Nauki. (In Russian).
21. Kameneva, T. N. (2014). *Sociocultural risks of family and marriage relations in a provincial region in the context of the globalization of the communication system*. Research and Development Report (final) No. 13-13-46001. Russian Humanitarian Scientific Foundation. (In Russian).
22. Wang, S., Dong, H. (2024). Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore. *European Journal of Population*, 40(1), 33. <https://doi.org/10.1007/s10680-024-09719-1>
23. Gotmark, F., Andersson, M. (2020). Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs. *BMC Public Health*, 20, 265.

24. Miller, A. R. (2010). The Effect of Motherhood Timing on Career Path. *Journal of Population Economics*, 24(3), 1071–1100.
25. Rondinelli, C., Aassve, A., & Billari, F. C. (2010). Women's Wages and Childbearing Decisions: Evidence from Italy. *Demographic Research*, 22(19), 549–578.
26. Afreen, K., Rose, G. (2024). Association between Education and Fertility: New Evidence from the Study in Pakistan. *Economies*, 12(10), 261. <https://doi.org/10.3390/economies12100261>
27. Kalabikhina, I. E., Troitskaya, I. A. (eds.) (2016). Fertility and family planning: opinions, attitudes, motivation. Moscow: Institute of Economics of the Lomonosov Moscow State University. (In Russian).